

БЮЛЛЕТЕНЬ

КЛУБА КОНФЛИКТОЛОГОВ:

Поколенческий конфликт

Редакционная коллегия:

Б.И. Хасан (главный редактор)

Л.А. Новопашина (отв. за выпуск)

Т.И. Юстус

И.С. Ватащак

А.И. Дударева

ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Это второй выпуск возобновленного бюллетеня клуба конфликтологов.

Это КЛУБНЫЙ сборник! То есть, это - прежде всего свободные мысли, свободное общение, отсутствие напряжения и искусственных манер.

«Клубность» означает, что каждый автор выбрал удобный именно для него жанр со-общения, заявляя соответствующие претензии. Это и научный текст, отражающий (по мнению автора, конечно) ход и результаты исследования; и «мысли вслух» - полет, переходящий в ...; и воспоминания по типу: «а вот у меня был случай...» и т.п.

Поэтому здесь представлены очень разные жанры: эссе, статья и т.д. Важно, что текст рождался с искренними намерениями и желанием поделиться своими мыслями, рассуждениями, фантазиями, выводами. И если здесь есть за что зацепиться и от чего оттолкнуться Вашей мысли – пишите на адрес-ссылку указанный внизу каждого текста.

Думаем, что диалог и даже дискуссия более отражает дух практик развития и более интересны не только нам, но и тебе, ЧИТАТЕЛЬ.

С радостью и нетерпением жаждем вопросов, отношения и прочего от всех, кому дорог Великий Интерес.

Будем благодарны и за Ваши замечания, пожелания по этому поводу.

*С уважением,
Редколлегия бюллетеня*

[Форум Бюллетеня всегда открыт для комментариев и обсуждения](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Научные идеи, мысли и результаты исследований

Хасан Б. Конфликт поколений: контуры современной ситуации

Горлова Н. Не Ваш ли подросток просится к другу с ночёвкой?

Раздел 2. Эссе, размышления, заметки...

Козырева Е. Другая арифметика

Кривецкая Е. В каждом родителе живёт ребенок

Новопашина Л. Родительские заблуждения

Раздел 1. Научные идеи, мысли и результаты исследований

Хасан Б.

Конфликт поколений: контуры современной ситуации¹

«Есть пьесы настолько слабые,
что они не в силах сойти со сцены».

Станислав Ежи Лец

Начать можно с того, что фундаментальное исследование конфликта между поколениями было опубликовано Маргарет Мид в 1970 году (Culture and Commitment. Study of the Generation Gap. Natural History Press/Doubleday and Co. N.Y./? 1970).

Этим же можно и многозначительно закончить: схема задана; базовые отношения определены. Можем ли мы этим пользоваться?

Если вести речь только о детско-родительских отношениях в строгом, буквальном значении этих слов, то дальше просто – кто у кого учится, но не просто учится, а ведет и ведется. Причем важным обстоятельством согласно М.Мид будет именно способ жизни. Можно усложнить до способа деятельности. Именно деятельности, а не действия.

Конечно, очень хотелось бы остановиться на определении поколенческой границы, потому что мы часто разговаривая о поколениях, говорим так - детство, взрослость. А где оно заканчивается и где начинается следующий этап (если за изучаемый конструкт принять не только семейную «ступень»? И исчерпывается ли эта структура двумя, весьма масштабными, единицами, или есть какие-то более сложные варианты?

¹ Этот текст основан на сообщении, сделанном на Красноярском краевом форуме молодежи в 2003 г.

Известно, например, что отрочество появилось в истории культуры сравнительно недавно. Для нас, живущих в современности, понятие подросток привычное, и мы этому феномену даже формальные границы задали. Хочется на эту тему поговорить, но я предпочту использовать этот вариант как рамочку. Где граница? Сколько лет должно пройти, чтобы отделилось поколение? Мы из этого поколения или не из этого? Кто попадает в мою поколенческую страту? По какому принципу?

Очень важную вещь, на мой взгляд, сказал Л.С. Выготский о том, что когда мы оформляем границы возраста, то важно обсуждать не только притязания, не только то, на что претендуем, и в этом смысле, чего еще нет, но чего уже хочется, но важно определять и то, чего уже не хочется из того, что хотелось, но уже было взято и отработано, прожито, пережито. Как сказала одна маленькая хулиганка про выученный стишок: «Это уже можно какать».

Как оформляется завершение этапа? В чём, в каких признаках мы можем удерживать представление о том, что какая-то возрастная группа вышла из состава поколенческой страты и перешла в другую?

Обычно, мы пользуемся при этом какими-то формально-юридическими вещами и традициями. И сюда - совершенно точно пришлась бы тема инициации и существовавшие когда-то обряды переходов. Сейчас изменилась ситуация, стала сложнее, никаких обрядов нет кроме получения паспорта, или наоборот, всего так много и все такое разное, что невозможно определить где сигнал точный и для всех. Раньше мы могли этому только радоваться, нам казалось, что это замечательно, когда пришёл человек в школу, у него кончилось дошкольное детство, его взяли и привели в школу. И родители тревожатся чаще всего по поводу того, впишется их ребенок в эту когорту или нет. У детей тревоги, конечно, совсем иного типа.

И мы даже когда-то изучали этот вопрос - откуда дети получают представление об образе школ. Было 10-летнее исследование социально-психологическое, и мы обнаружили, что большое число молодых людей в

возрасте 6-ти с небольшим лет в школу вовсе не хотят идти. И нам было интересно, почему школа потеряла для них привлекательность. Взрослая идея была такая - ребенок всегда хочет в школу, для него это перспектива. А мы вдруг выяснили, что в представлении ребенка это не так. И, когда мы спрашивали детей про это, они отвечали нам, например, так: “В школе не кормят”, “В школе не спят днем”. Из чего мы поняли, что на самом деле - это аргументация “для нас”, на самом деле дети не любят тихий час и редко когда понимают, что голодны. А нам они говорили про это, потому что мы их про это спрашивали.

Следом было проведено тоже такое замечательное исследование, в котором мы выясняли как реагируют дети на всякого рода социологические опросы. Мы сделали большое количество фокус-групп с детьми, нашли среди них значительное количество экспертов, в искренности которых были уверены. Мы выясняли, что думают дети, когда к ним подходят с разными вопросами. Например, хорошая у тебя школа или нет. Первая реакция ребенка состояла в том, что они вообще ни о чем таком не думают, они всё время думают о чём-то своем, о другом, но ответить, что они про это ничего не думают, они не могут. И ребенок говорит: “думаю, что хорошая”. Ответ его часто зависит от настроения или еще от чего-либо. А на самом деле они думают: “что нужно этому человеку ответить, чтобы он отстал”.

И вот что мы выяснили в итоге. Наши представления о детстве существенно расходятся с представлениями о детстве у самого детства. Детство позиционирует себя несколько иначе, чем мы об этом говорим и пишем, и чем мы можем располагать пытаюсь изучить это самое детство. Это предположение у нас исходило из целого ряда представлений, сложившихся в культуре, например, из того, что детство экспансивно по отношению к взрослости.

Детство всегда осуществляет экспансию. Суть этой экспансии состоит в том, что взрослость - это штука неизбежная. Почему-то в культуре идея

взросления понимается как положительная, т.е. быть взрослым - хорошо, а быть не взрослым (ребенком) - это хуже. Откуда это представление?

Ещё одно исследование в рамках старшей школы и в рамках старших курсов вузов, где есть формальная граница детства, привело нас примерно к тем же выводам. Хотя здесь мы обнаруживаем существенные различия в том, как об этом говорят молодые люди, относящие себя к мужскому полу и к женскому. И тут не понять - либо это преувеличенная женская откровенность и мужская скрытность или они просто так аккуратно врут или наоборот, честно говорят, что они думают. То же самое, примерно, мы обнаруживаем и в конце вузовского периода. Если исключить тот мотив “как надоела эта школа или институт”, то оказывается, что они на самом деле не против приостановиться и никуда особо не шагать.

Это забавное противоречие выявляется во многих исследованиях. Мы предполагаем, что есть притязание, экспансия на взрослость и одновременно полагаем, что есть определенные сдерживающие факторы. Некоторая неспешность во взрослость, потому что там есть атрибуты, которые присвоить себе человек не очень торопится.

Итак, с одной стороны детство экспансивно по отношению к взрослости, претендует на взрослость. Похоже, что есть какой-то период «предвзрослости», в котором люди рассматривают взросление как положительную перспективу и одновременно есть ряд сдерживающих факторов, часто не осознаваемых, иногда - сознательных, в которых эта перспектива сдерживается или просматривается как нежелательная. Т.е. мы имеем некоторый внутренний конфликт или картинку конфликта, противоречия. Это со стороны предвзрослых когорт.

А со стороны взрослости?

Любопытный разговор был на одной из встреч со старшеклассниками именно про межпоколенческие отношения. В этом разговоре Олег Леонов от имени старшего поколения, к которому он относил себя, воспользовался метафорой: “написать завещание”. Известно, что можно написать завещание

в любом возрасте. И можно спросить: зачем люди, находящиеся в расцвете лет, пишут завещание?

Есть ряд вариантов. Вообще завещание пишется перед “концом”, когда человек начинает размышлять, что останется после него и что я кому завещаю. И в этот момент он представляет себе, что его уже нет. А тут странная ситуация - завещание написано, а человек здоров и продолжает жить. А тот, кому завещание адресовано начинает чувствовать себя как его получивший. И получается, что завещанное не отдано, а только обещано. Но, говорят, что обещанного три года ждут... И вот вопрос - как «пишут завещание» или как взрослое поколение представляет себе молодое. Где оно передаёт наследство?

Был такой старый кинофильм. Там суть сюжета в том, что существовал большой завод. И вот приходит на этот завод молодой секретарь парткома и решают провести эксперимент - передать завод молодым рабочим кадрам. И на заводе остается только молодёжь, а все старики уходят. Но, оставляют, конечно, своих информаторов на предприятии. И вот молодые начинают вводить различные новации. А старики за ними наблюдают, но затем, конечно, вмешиваются. И вот это перерастает в конфликт. Молодые, которых сначала пустили “поиграть”, а потом дали по рукам, и вот старики, которые как бы говорят молодым: «Мы завещание переписываем, мы вам дали возможность распоряжаться, но нам не понравилось как вы это сделали, поэтому переписываем теперь завещание». И молодые, соответственно, обиделись, часть людей уволились. Вот такой сюжет. Что я в этом месте обсуждаю? Как старшее поколение видит молодое? И как молодое видит старшее? И как они представлены друг другу? И реально вот эта представленность, т.е. “поставленность перед” - на мой взгляд, это вещь нетривиальная, потому что чаще всего мы друг перед другом не становимся, а пользуемся условными картинками.

Я говорю: “У меня есть картинка следующего поколения со всей его структурой, со всем его развитием, с логикой”. У меня достаточно ресурсов,

чтобы всё соответствовало. Что такое взросление в этом смысле. Взросление - это претензия на ресурсы, которыми, якобы, обладают взрослые. При этом есть “тайна взрослости”. И открытие этой “тайны” или открытие того, как приобретаются эти ресурсы, как осуществляется овладение ими, соответственно, распоряжение, как так распоряжаться ресурсами, чтобы они не убывали, а наоборот - должны прибывать.

И я теперь, с позиции молодёжи, говорю: “Если старшее поколение ухитряется каким-то неизвестным для меня образом преумножать ресурсы, распоряжается ими так, что видно как они умножаются, то я говорю, что это успешное поколение, и оно достойно подражания”. И тут появляется такая форма поведения - уподобление. «Я хочу быть таким, потому что это успешно». «А если старшее поколение не смогло убедительным образом показать, что оно умеет распоряжаться ресурсами так, что они умножаются, то это поколение не представляет для меня образа успешности, и я, соответственно не хочу быть уподобленным ему, а буду делать по-другому». Но вот как - по-другому? Замечательно, если есть хотя бы пара образцов.

Итак, представлены картинки, которые соотносятся с какой-то реальностью, при этом картинки обобщенные, а реальность конкретная. У старшего (раньше родившегося или дольше живущего) поколения на картинке примерно так же нарисовано поколение, позже родившееся или меньше прожившее. У меня есть предположение о том, что эти картинки друг для друга имеют сильные искажения, лежащие в основании того, что мы вслед за известным писателем со школьных лет называем конфликтом поколений.

Поскольку никаких других способов, кроме выявления различий в картинах описаний, а в них, в свою очередь – определение своей группы как поколенческой от другой, в силу (по видимому) другого мировосприятия как приписываемого, нет, придется как рабочим определением границы пользоваться этим.

Пункт первый - это наша ситуация. Чтобы внести коррективы в эти искаженные картинки. Для этого надо посмотреть, каковы источники их изображений, какова их история, как они реально изображены и в какой мере изображения согласованы? Это важно. Итак, картинка предыдущего для последующего выглядит определенным образом. В своё время, особенно в том месте, где мы с вами живем, приключилась такая вещь, которая происходит часто, когда старшее поколение сильно и резко дискриминируется как успешное. Проходят массовые PR-акции, которые говорят о том, что старшее поколение всё делает не так. И ресурсы все убили, и страну поставили на колени, полная зависимость, никакой автономии, распределение ресурсов плохое. И возникает рассогласованность. Вот эти картинки, которые каждый раз возникают, когда поколение напрочь дискриминируется, тогда новое поколение начинает искать свой путь, который не наследуется, потому что в завещании одни долги. Эта замечательная идея с завидной регулярностью воспроизводится. Но, я думаю, что эта нарисованная картинка требует некоторых коррективов. Мне это напоминает борьбу с наркоманией. Мы понимаем, что с этим явлением мы должны бороться. Если у нас есть надежда на победу, то мы должны вселять в аудиторию некоторый оптимизм. Чтобы появлялась идея того, что победа возможна. И, более того, что она именно нами достижима.

Надо говорить о собственной силе и о собственных ресурсах, а не наоборот. А наши действия сегодня строятся с точностью «до наоборот». Из всех материалов, которые мы сегодня читаем, мы выясняем, что это явление такое страшное, что никаких сил для борьбы с ним нет. А у нас всегда стремятся сначала запугать народ. А запуганный народ, естественно, сдаётся. Поэтому пугать молодёжь взрослостью, рисуя соответствующие картинки, становится привычным тоном.

Теперь изображение со стороны старшего - как нарисовано для него за ним следующее (за ним ли? И следующее ли?). Здесь масса проблем.

Вопрос: как выглядят те, кто следует за нами. Маргарет Мид нарисовала три возможные картинки отношений между взрослостью и детством.

Первый тип отношений - дети всегда следуют за взрослыми и повторяют их жизнь. В этой системе каждое следующее поколение следует за предыдущим. Небольшие отступления в этом случае возможны, они могут кое-что улучшить. Но всё менять нельзя. «Родители» не позволяют. Они создали массу институтов воспроизводства себя.

Второй тип отношений, который можно помыслить - сосуществование. Два мира живут сами по себе. И у них при этом возникают отношения терпимости или нетерпимости. Параллельные возможности сосуществования.

И возможен третий тип отношений - детство начинает забегать вперед взрослости. Взрослые в этом случае обнаруживают, что им, оказывается, есть чему учиться у своих детей. Дети открывают и осваивают в мире нечто, для взрослых сокрытое.

На чём основана картинка детства для взрослости? Если взрослость строится таким образом для ребенка: есть идеальная взрослость - это полное владение ресурсами, умениями распоряжаться для достижения успехов и развития. Сила и могущество. Что по сути дела видно в разного рода достижениях. Есть мечты, которые постепенно сбываются. А есть реальная взрослость, которая либо в какой-то мере согласуется с этим, либо не очень. В ответах на вопрос о том, какие именно взрослые являются образцами около 40% детей указывают своих ближайших родственников. А как выглядит в этой картинке для взрослых детство? Идеальное и реальное. У взрослых, обычно, есть три картинки (здесь начинается масса трудностей очень интересных): идеальное детство; реальное детство; а есть “моё” детство.

Итак, есть еще и то, что я удерживаю как своё собственное прошлое, маркированное мной как моё детство. И пространство отношений между этими тремя образами довольно сложное. И тут одно из ключевых

противоречий связано со страхом “не успеть”. В чём суть противоречия? Оно, кстати, хорошо известно, но не очень часто обсуждается.

Наше сознание и мышление устроено так, что мы можем охватить им огромные промежутки жизни. Такие у нас возможности. Мы можем помыслить жизнь до нашего существования и после. Можем рассуждать категориями столетий, тысячелетий. Вот это ощущение возможности помыслить в огромном масштабе и, одновременно, ощущение краткости пребывания в этой жизни, пребывания между гигантскими масштабами, в которые мы проникаем в своём мышлении и реальным временем жизни, породило массу мечт. В.П. Зинченко как-то сказал: “Есть такая максима - умирают только другие”. И я в детстве тоже так думал, что пока я до взрослости доживу, эти учёные что-нибудь придумают, чтобы я не умер. Позже я начал размышлять о возможности реинкарнации... Попытка преодоления ограничений натурального бытия, его кратковременности.

Но одна из попыток преодолеть этот рубеж и это противоречие - это успеть как можно больше пока ты здесь. Интенсифицировать жизнь. Так появляется идея ускорения. Надо всё делать быстрее, потому что времени мало. Возможности осуществления рассогласуются жутко. Надо успевать, но как ты не торопишься, а успевать не получается. У меня такое ощущение, что мы по всем генеральным показателям не успеваем. Есть ощущение, что нужно еще быстрее.

И один из вариантов разрешения проблемы “успеть-не-успеть” - продлить собственную жизнь. Это то, что связано отчасти с родовой идеей. Если я ассоциирую себя не только с этим исключительно местным, бранным существованием, то тогда понятно, что я - не один я, а целый род. Вот эта идея продлить себя в другом - идея простая. Следовательно, и надежды и планы должны этим - другим продолжением меня, осуществляться. В этом колоссальная экспансия взрослости на детство. Т.е., детство - это есть фактически меня продолжение. Но, при этом того, который вообще передвигается самостоятельно, контролировать сложнее. Он отделился и

пошёл. Свернул за угол и уже не видно, как он там ходит. У взрослых всегда есть потребность компенсировать, восстановить контроль, потому что это и есть “я”, моё продолжение.

А.М. Аронов как-то утверждал, что дети становятся самостоятельными не по собственной инициативе, а потому что мы их бросаем. Им нужно много внимания уделять, а хочется себе. Я же еще здесь, живой, а как бы принадлежу ребенку. Отсюда и симметричное отношение - тогда и он мне принадлежит. Но все чаще и чаще хочется от него освободиться и побыть собой. Вот в эти «уходы» взрослых, оставшийся без опеки и опор, ребенок вынужден становиться самостоятельным. Потом взрослый возвращается, а ситуация уже другая.

Экспансия совершенно уникальная вещь. Я все время вспоминаю своё собственное детство, воспроизвожу то, в отношении которого я определился как “моё”, полностью контролировать и определять его движение, а оно уже само ходит - моё продолжение. И у него появляются мысли, которые ему надуло со стороны, а не с помощью родовой генетической передачи. Вот проблема.

И идея продолжения контролируемого детства с одной стороны, а с другой стороны - идея сдерживания экспансии. И вот это противоречие заставляет нас говорить: “ты ещё мал!”. И ребенок понимает, что когда нам надо - он для нас взрослый, а когда нам выгодно - он маленький. И он не понимает, как тут себя вести.

Внешняя рамка у этой ситуации совершенно замечательная, она связана с тем, что действительно взрослость, с одной стороны, всё время претендует на детство с точки зрения обеспечения, становления, самостоятельности и ответственности. С моей точки зрения слово «ответственность» - ключевое, потому что взрослость по целому ряду исследований определяется тем, ответственность за какого масштаба действия готов взять на себя человек и эту ответственность реально осуществлять. Это и есть критерии взрослости, которые проявляются и в экономических и

межполовых типах позиционирования. Речь идет о масштабе решений, за которые человек берет на себя ответственность и реально готов эту ответственность нести. Потому что, когда мы говорим “ты отвечаешь за то, что ты это делаешь”, масштаб задачи ясен.

Есть еще и внутренняя рамка противоречия, сильно влияющая на то, как мы определяем эти отношения, в каком материале эти отношения начинают возникать и обостряются, где у нас возникают конфликты и реальные способы их разрешения на уровне когорт или межличностных отношений.

И тут снова - место занято. Потому что уже сравнительно небольшая часть трудоспособного населения обеспечивает все потребности. Т.е. в развитых странах заняты в прямом производстве обеспечивающем прямые потребности человека, уже меньше 20 % трудоспособного населения. Надо создавать какие-то формы занятости, в которых человек мог бы почувствовать себя реально живущим вместе с другими людьми. Занят он всё меньше и меньше, а свободного времени всё больше. Нужно чем-то занимать молодых людей. Они приходят в мир и говорят: “Дайте нам что-то делать”, а мы говорим: “потребляйте пока”. И это есть нормальная взрослая позиция, которая связана с мораторием - удерживать где-то большие когорты людей, которые уже половозрелые, имеют некоторые физические характеристики, связанные с их притязаниями на социальное позиционирование. А мест для социального позиционирования нет. Новых форм не придумано. Поэтому создаются компенсирующие ниши и люди в эти ниши погружаются. Коммунисты решали эту задачку с моей точки зрения гениально. Появлялись такие проекты как целина, и молодёжь себя сделала. Это сработало как мораторий. И в это время сила, энергия и притязания были точно канализированы. И соответствующий PR был. Потом вся страна строила БАМ, где этот БАМ сейчас?

Итак, завершая, скажу - есть картинки соответственные, есть самоопределение соответствующее. Каковы реальные ходы? В чём состоит

позитив? Или в чем негатив? У каждого своя картинка, каждый с ней живет и на основании этой картинки с другим сталкивается. При этом, столкнувшись, содержание картинки не выкладывает, культуры такой нет.

Я могу предложить только серьезное оформление диалога поколений. Переговорный процесс между представителями различных поколенческих групп мог бы разворачиваться на разных уровнях, в разных формах и масштабах, но везде должны быть культурные переговоры, где оформляются интересы. Это вызов, но вызов моему поколению, скорее. Потому что я не думаю, что следующие за нами идут “в след”, это трудно, несмотря на то, что есть такая необходимость. Далее могут быть конструктивные переговоры, предметом которых могут быть проблемы и взгляд на них тех и других.

Потому что мне не раз приходилось убеждаться, что взгляд молодых не менее основателен, чем обусловленный опытом. Другое дело, что мы не привыкли собственно вести переговорные процессы. Мы привыкли быстро принимать решения, быстро их осуществлять, потом подсчитывать убытки и квалифицировать действия как поспешное и не эффективное. После чего без особого анализа мы приступаем к следующему мероприятию и этот “мероприятийный” подход сдох, с моей точки зрения. Вот такие мои размышления по этому поводу.

<mailto:khbi@ippd.ru>

Не Ваш ли подросток просится к другу с ночёвкой?

Два года назад нам с профессором удалось в течение года вести курс по психологии для школьников 8-10 классов в Молодёжном исследовательском институте гимназии Универс. Темы там поднимались разные, ребята решали приготовленные нами задачи, думали, рассуждали, и, конечно, стали для нас экспертами по нескольким исследовательским вопросам в области психологии развития.

В совместном поиске мы оттолкнулись от идеи, что конфликты, которые «ведут за собой развитие», в подростковом возрасте - это конфликты между взрослеющими детьми и ... (не стареющими, а умудрёнными опытом) родителями.

Когда-то у профессора уже была статья, посвящённая проблеме темпов возрастной динамики, где было отмечено, что именно взрослый задаёт для ребенка «границы и метки взросления». При этом, «взрослость не просто экспансивна по отношению к детству, но и директивна»². Так, кто-то из взрослых открыто или косвенно через действия говорит подростку, что «Ты ещё мал, потом подрастёшь, поймешь», или «Пора бы тебе самому это делать, ты уже взрослый».

С одной стороны, данные высказывания служат некоторыми опорами в возрастном самоопределении, но, с другой стороны, у подростков на этот счёт может быть (и, скорее всего, подумали мы, есть) своё мнение.

Первый вопрос, который мы поставили сами себе, а затем и нашим юным экспертам, был такой: «На каком материале разворачиваются

² Хасан Б.И. Идеальная форма детства и проблема темпов возрастной динамики // Материалы 4-й научно-практической конференции «Педагогика развития: Возрастная динамика и ступени образования». Ч. 1. Доклады на пленарных заседаниях, секциях и круглых столах / Под ред. И.Д. Фрумина, Б.И. Хасана, Б.Д. Элькониной. Красноярск, 1997. С.22–30.

конфликты между значимыми взрослыми и подростками?», то есть по поводу чего возникают конфликтные ситуации.

В результате попыток припоминания школьники начали постепенно рассказывать нам о тех ситуациях в их жизни, когда у них возникали и возникают конфликты с родителями. Именно из этих разговоров совершенно неожиданно для меня вырос и мой собственный исследовательский интерес к данной проблематике.

Со слов ребят, взрослые посягали на их личное время («Приди не позже 11 вечера»), их личное пространство («У тебя в комнате бардак»), вещи («Она копалась в моей сумке!»), выбор друзей («Не дружи с ним, он мне не нравится») и т.п.

Кто-то посетовал, что «он уже вполне взрослый, а ему до сих пор не разрешают оставаться с ночёвкой у своего друга в гостях». Сверстникам же, сказал он, уже давно это разрешают. Метка взросления родителями уже создана - прости, ты ещё мал!

На этих страницах мы не будем детально рассматривать причины экспансии взрослых на личные ресурсы подростка. Они могут быть разные.

Для нас не столь важно было ответить на вопрос «почему» взрослые посягают на личные ресурсы подростков, но важно было определить, не являются ли ответы наших экспертов лишь прецедентом, частным случаем? Мы хотели обнаружить, насколько характерными для детско-родительских отношений и выраженными в целом являются попытки экспансии взрослых на личные ресурсы их детей-подростков. Кроме того, ещё одним фокусом нашего исследовательского интереса стал вопрос о том, каким образом подростки реагируют на данные ситуации.

Наступил этап сбора данных. Нас интересовали подростки на финише основной школы, потому что именно в моменты «переходов» они острее чувствуют возрастные изменения как «конфликт взрослых ожиданий и собственного им соответствия»³.

³ Там же, с. 26.

Оказалось, что наиболее актуальной темой в настоящем для подростков является тема экспансии взрослых на личное время подростка (69%).

Второй по значимости является тема, связанная с распределением времени подростками и с экспансией родителей на это время (55%).

Третьей по актуальности в настоящем является тема, связанная с экспансией родителей на пространство подростка - его личный стол, кровать, полки и т.п. (48%).

Четвёртой по актуальности в настоящем является тема, связанная с экспансией взрослых на личные денежные ресурсы подростка (44%).

Средними по актуальности в настоящем для респондентов являются темы, связанные с экспансией взрослых на имидж подростков (35%), с оценкой взрослыми денежных трат подростка (29%), ситуация экспансии родителей на вкусы подростка в отношении его тела (25%).

Наименее выраженными в настоящем для подростков являются темы, связанные с экспансией взрослых на выбор друзей (18%), с экспансией на личные вещи подростков (15%), а также с экспансией на выбор хобби (13%).

Таким образом, результаты чётко показывали, что учащийся нашего курса был не один, кто просился остаться с ночёвкой у своего друга в гостях, но получал отказы. Это не было частным явлением, но явилось выраженной тенденцией: взрослые действительно «ставили метки взросления» и, возможно, помогали таким образом подросткам прочувствовать себя, самоопределиться, понять, реально ли они ещё малы или уже являются достаточно самостоятельными, чтобы отстаивать свою личностную автономию.

Второй важный вопрос о том, каким образом подростки реагируют на ситуации экспансии взрослых на личные ресурсы подростков – тема следующего рассуждения на страницах бюллетеня конфликтологов.

mailto:gorlova_n@mail.ru

Другая арифметика

Я плохо пишу, лучше считаю, в ладах с методами анализа, дедукцией и индукцией. Иногда результаты счета иррациональны. Моим детям от зарождения самых первых клеточек до сегодняшнего дня в сумме 33 года. Не буду проводить аналогии с известным образом. Здесь не об этом. Ровно столько лет моей жизни с детьми не по календарю, а по количеству прожитых вместе с ними мгновений. Скоро эта цифра превысит мой собственный возраст. И что удивительно, это его не увеличивает, а делает ярче, чашу - полнее, мысли – глубже. Лучше всего вспоминается самое первое и самое недавнее, выборочно выхватывая эпизоды из памяти между. И вот, что для меня самой явилось почти открытием, что в отношениях «мама – дети» самые сложные и противоречивые сюжеты были не внутри этой связки, а внутри меня. Мысли – эмоции, логика – чувства, надо – хочу, могу – не надо... Да, мы переживали и переживаем их переходный возраст, да, они лучше владеют всевозможной техникой, да, они меньше гуляют и больше сидят в соцсетях, да, они другие, совсем не такие как я. Но мне это не трудно - сложно, но возможно. Тут о другом. Разговор в первые дни с ребенком: «Мама тебя сейчас покормит». Кто мама – я? Да я еще только вчера была дочерью, студенткой, никто никогда не зависел от меня целиком и полностью. Я разве теперь другая? Первое требование сына самому ходить в школу. Он же маленький, обидят, дороги, машины! Будущий мужчина, должно быть вот это «сам». Иди. Тушь и тени на лице 12-летней дочери. Ей так идет естественный чистый цвет лица. Она должна прийти к этому сама. Пробуй. Готовимся к поездке сына на учебу в дальние дали. Там перспективы, другие образ жизни и образование – кому как не мне знать об

этом. А как же я без розовой пятки 43 размера из под одеяла по утрам? Поезжай.

Я не могу сказать, что за эти 33 года не было напряжений и шлепков по попе. Все было. Но именно, что было и прошло. А вот что не проходит, не отпускает – раздумье: эти два человечка мои и они же свои собственные, со своей дорогой...

P.S. Недавно спросила у своей мамы: «Мама, но вот у меня же не было переходного возраста. Я же такой не была!» На что мама сказала: «Ну-ну...»

<mailto:kozyreva@univers.su>

В каждом родителе живёт ребенок

Наблюдая за своими отношениями с дочерью, убеждаюсь, что и во мне еще живёт маленькая девочка, а в моём муже, маленький мальчик. Мы, взрослые, так часто это игнорируем.

Бывает, приходят мысли: «Взрослые себя так не ведут». И что делать, когда хочется?!

Хоть я еще единожды мама, но я всё меньше позволяю себе непосредственности со своей дочерью. Всё стараюсь быть правильной и хорошей.

Встаёшь утром, дел невпроворот, а вчера купили дочке красивый дом с семейкой (и мне самой интересно всё там посмотреть), дочь зовёт поиграть. А я? Я же мама! Пошла квартиру в порядок приводить. И дочь уже сама себя развлекает, а мои дела всё не кончаются. Хожу и думаю: «Чего это я? И пусть весь мир подождет». Откладываю дела. Подождут часок. Иду играть с дочерью, придумываем вместе имена для членов семьи, сочиняем историю про них, и сразу становится радостно.

Часто из-за своей правильности, загруженности делами мы теряем свою «детскость». «Как это бросить уборку и вместе с детьми нарисовать очередной домик, а то, что хочется. Каракули, море, цветы или Бога? Как это — запрыгнуть на мужа и покататься на его спине? Как это начать спонтанно петь или танцевать от того, что ты счастлив? Мне же столько лет, как-то не прилично себя так вести. Как это походить по лужам под дождем вместе с ребенком? А потом температура, насморк».

У меня есть новость, нам, родителям, можно иногда себе позволить быть в чем-то непосредственным, непоследовательным и ненормальным.

Конечно, во взрослом мире, много чего уже опосредствованно и опосредованно. Мы много чего знаем, как лучше, почему и для чего. А с

нашими детьми, мы не только учимся безусловно любить, но и вновь возрождаем нашу детскую часть, позволяя себе иногда то, что уже несвойственно взрослому. Но не потому что надо, а потому что этого действительно хочется. Вот я замечала, когда начинаешь изображать (не хочется, а вроде как надо), и игра не выходит. А вот когда искренне хочется поиграть, и может быть «подурачиться», то становится интересно всем участникам процесса.

Что это, побыть непосредственным? Просто попрыгать втроем на батуте и выключить в себе голос, который твердит, что так не делают. Просто быть с детьми заодно, а не сверху. Например, походить вместе по дому на коленях, рыча, изображая льва. Или порисовать с дочкой пальчиковыми красками, не потому, что она этого хочет или это полезно для её развития, а потому что самой нравится. Прийти в кафе мороженого с детьми и взять себе тоже своё любимое. Делать смешные прически и «боевой» раскрас на лице вместе с дочкой. Закапываться на пляже в песок, строить замки и туннели из мокрого песка. Прыгать от радости, когда тебе дарят подарок. Танцевать и петь смешные песенки. Громко рассмеяться вместе с ребёнком. Откусить кусок от буханки свежего хлеба. Устроить дома показ мод со съёмкой на видео. Если этого не запрещать себе, то маленькая девочка или мальчик внутри вас, будет доволен и счастлив.

И не надо бояться, где-то быть со своим ребёнком глупым, спонтанным, ненормированным, можно иногда расслабиться и получать удовольствие. И не надо пытаться выгнать из себя ребенка, и прятать его глубоко, а иногда можно ему позволить выйти наружу. Пусть это выглядит глупо и странно. Какая разница, как это выглядит? Важно ведь, как внутри.

Рассуждая на эту тему, вдогонку, мне пришло одно понимание, чем больше мы открыты, искренны со своими детьми, тем больше мы начинаем понимать себя и их. А проведенное с ними время, это всегда ещё один повод, дать ребенку почувствовать, что он любим и значим.

mailto:kat_kazak@mail.ru

Родительские заблуждения

Каждый родитель видит будущее своего ребенка по-своему. И, исходя из своих представлений о полезности и необходимости родительских усилий и вкладов, строит свои отношения с ребенком.

Так и я. Имея устойчивое убеждение о том, что как бы не сложилось профессиональное будущее у детей, математику знать надо, точнее даже разбираться в ней, потому как владение математикой - одно из тех качеств, которое является характеристикой настоящего мужчины)). И я прилагала много собственных усилий, чтобы сыновья математику знали.

Когда старший сын пошел в старшую школу с учителем нам не повезло. Она, конечно, была неплохим человеком и женщиной, но вот математику могла рассказать только по учебнику. А это, как Вы понимаете, к математике, тем более к тригонометрии, отношения уже никакого не имеет.

Ну так вот. Очередной вечер дома. Очередные напряженные отношения с сыном по поводу домашки по тригонометрии и, я вдруг понимаю, что сын не понимает смысла и сущности тригонометрической функции! О! Моему энтузиазму не было предела. Я с отчаянием увлеченной мамы, имеющей представления о тригонометрии и убеждения о «мужском наборе», пыталась блеснуть тайнствами и секретами той самой функции и с отчаянием натыкалась на нудное сыновье: " А вот В... И- а нам так не говорила!!!"- и тупо пересказывал определение из учебника вслед за учительницей

Продолжалось это именно час. Видимо нас удерживала в этой борьбе любовь, но, когда на втором часу "обучения" математике громкость разговора была великой, а эмоции зашкаливали, сын методично и, даже я бы сказала, грубо задал вопрос: "Вот скажи мне, мама, сколько синусов и

косинусов в своей жизни и на своей работе ты посчитала или применила после того, как окончила школу?"

С тех пор прошло много лет. Сын спокойно обходится без высшей математики. Синусы и косинусы я, по-прежнему, на работе и в жизни не применяю. И с ухмылкой продолжаю размышлять о математике как атрибуте мужского. ☺

<mailto:nla@ippd.ru>

[Форум Бюллетеня всегда открыт для комментариев и обсуждения](#)